

«ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ» М.П. ПОГОДИНА О КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматриваются путевые записки М.П. Погодина, опубликованные в журнале «Москвитянин» в 1841 г., с точки зрения становления жанра травелога, который получил наибольшее распространение в XIX в. Особое внимание уделено выявлению цели путешествия, способу его осуществления и описания.

Путешествие М.П. Погодина рассматривается как способ формирования личной идентичности. Важную роль при этом играло сопоставление Запада (как «Другого») с Россией, столицы с провинцией, крупных городов с глухими деревнями. В первых номерах журнала публиковался «Дорожный дневник», посвященный пребыванию М.П. Погодина в Париже, позже он представил вниманию читателей «Путевые записки» о поездке на Русский Север, через Нижний Новгород и Кострому в Вологду.

В статье рассматривается часть «Записок», посвященная дороге по территории Костромской губернии. Предметом интереса автора были быденная жизнь встреченных им людей, вопросы, которые волновали их, разговоры, которые были подслушаны. При первой возможности он посещал учебные заведения, и это становилось поводом к размышлению о том, как и чему надо учить (и учителей, и школьников). Всюду он разыскивал людей, которые собирали древности, отмечал любые замеченные им репрезентации представлений о прошлом.

Всё это сегодня может быть использовано такими направлениями исторической науки, как история повседневности, микроистория, персональная история, устная история, изучение памяти и мн. др.

Ключевые слова: *травелог, источники личного происхождения, история повседневности, Костромская губерния, М.П. Погодин, журнал «Москвитянин».*

Довольно долго отечественная историография (да и не только она) с подозрением относилась к источникам личного происхождения, подозревая их в субъективности, ангажированности, склонности к сознательному искажению исторической реальности. Пожалуй, только с появлением трудов историков-медиевистов, не понаслышке знакомых с трудами представителей школы «Анналов», это положение стало меняться.

Французы продемонстрировали, что искусство историка состоит в умении «задавать вопросы» самым разным источникам [1]. В 1990-х гг. с появлением множества переводных исследований в значительной мере именно источники личного происхождения стали основой для работы в таких актуальных направлениях, как история повседневности, микроистория, персональная история, история идей, устная история, быденное историческое знание, конструирование памяти и мн. др. [11].

Непосредственно путевые заметки как исторический источник личного происхождения заново открыл для исследователей В.Ю. Афиани ещё в 1970-х гг., а в статье 1993 г., написанной совместно В.Ю. Афиани и Л.Б. Хорошиловой, справедливо отмечалось: «Путевые очерки, рассыпанные в периодической печати, еще предстоит востребовать как источник для изучения культуры российской провинции» [2, с. 122]. И не только для этого, с полным правом можно добавить сегодня.

Ныне эти источники востребованы как литераторами [5], так и многочисленными диссертантами (историками, филологами, культурологами), которые исследуют поездки наших соотечественников в дальние страны и в пределах границ собственного государства, основываясь в том числе и на «литературе путешествий»[4].

XIX столетие, когда написание и публикация травелогов подчас становились самостоятельной целью путешествия, особенно популярно у исследователей. Однако путевые заметки М.П. Погодина, несмотря на появление посвященных ему монографии Н.П. Павленко и диссертаций А.В. Бакаловой, А.В. Почиваловой, Н.Н. Пуряевой и др. [8; 10], пока не рассматривались как исторический источник.

Путевые записки М.П. Погодина стали публиковаться с первых номеров журнала «Москвитянин», издание которого началось в 1841 г., они освещали поездку редактора нового издания во Францию и печатались под заглавием «Месяц в Париже». Уже там начал складываться особый стиль написания, который подвергся критике «ближнего круга» автора. Необычным показалось внимание, которое путешественник уделял повседневным подробностям, незначительным на первый взгляд деталям – «domestica facta», по словам С.П. Шевырёва, который и сам неоднократно бывал в Европе и даже имел степень доктора философии Сорбонны.

Н.П. Барсуков опубликовал текст характерной записочки С.П. Шевырёва к М.П. Погодину: «Сделай милость, выкинь все те места, где говорится о деньгах, счетах, еде (что ты за гастроном?). Ты тем уменьшаешь интерес путешествия. А кроме того даёшь повод насмешникам придираяться» [3, с. 24]. Автор записок возражал: «Не понимают, что такое Дневник. Если наполнять его всякий день от утра до вечера великолепными описаниями, где же будет правда!» [3, с. 24–25].

И.Е. Бецкий беспокоился об учителе: «Вы тут как на ладоне (так! – Л. С.); вся ваша субъективность отражается в каждой строчке, как в зеркале. Не понимаю даже, как вы решились так писать.

Ведь музам хорошо в Греции было ходить наги-ми, там и климат приличнее, не простудишься; оне верно и не краснели от изящной наготы; но у нас... Иной такой подлец сыщется, что и обрадуется слу-чаю» [3, с. 26].

Таким образом, видно, что особенно остро вос-принималась открытость автора повествования, демонстрация им в записках своей погруженности в бытовые вопросы. Это противоречило обычаю, который был установлен ещё в XVIII в., максима-льно подчинять текст общественно значимым вопросам, описаниям достопримечательных мест, избегая «презренной прозы» жизни.

Между тем отсутствие публицистической одно-мерности привлекало читателей. Директор уни-верситетской типографии П.А. Курбатов писал: «После писем Карамзина я ничего не читал за-нимательнее ваших записок о Париже» [3, с. 26]. В.И. Даль отмечал, что «в записках ваших нет этой пошлой брани на Французов, нет того наносного хвастовства... а есть зато убеждение, есть убежде-ние ума и сердца; видишь, что всякое слово сказа-но от души» [цит. по: 3, с. 26].

Эти и подобные им замечания показывают, насколько необычным для этого жанра в то вре-мя был погодинский стиль, лишённый открытой публицистичности и намеренной литературной обработанности. Это, конечно, ещё не были за-писки «для себя», читатель как адресат был пред-усмотрен, только интонация разговора с ним была задана более доверительная, почти интимная, рас-считанная на доброжелательного единомышлен-ника, который нуждался не в убеждении, а в со-вместном размышлении. И здесь стало важным сопоставление «Я – Другой» – то, что, по словам нашего современника, «коллективные идентич-ности имеют внешние составляющие: эти иден-тичности определяются целыми напластованиями “Других”» [7, с. 14]. Не случайно, что вывод, сде-ланный по прочтении парижских записок В.И. Дал-ем, зафиксировал ситуацию противопоставления как необходимость поиска Своего: «Да, для нас не годится Запад, нам пора собрать разметанные, сонные члены свои и встать и протереть глаза на чужом пиру с похмелья, и приняться на свой пай за работу...» [3, с. 26].

Однако поиск собственной идентичности вёл М.П. Погодина вдаль от столиц, ибо, по его сло-вам, «мы, люди Московские, мало бываем знако-мы, а Петербургские ещё меньше, с живою жиз-нию народа, его духом, нуждами и желаниями, достоинствами и пороками, которые бросают та-кой свет на историю» [цит. по: 3, с. 161]. Совер-шенно логичным стало его стремление «в пределы волости Новгородской»: «Северная часть Евро-пейской России, – говорил Погодин, – наименее подвергшаяся влиянию Татарскому и Польскому, а равно и нововведением так называемой европей-

ской цивилизации, без фабрик и военных постоев, должна представлять наблюдателю много любо-пытных наблюдений... Вот главные пункты путе-шествия: Нижний, Устюг Великий, Архангельск, может быть, Соловецкий остров, Белозерск, Во-логда» [цит. по: 3, с. 160].

Путешествие началось 3 августа 1841 г., М.П. Погодин выехал из Москвы через Владимир в Нижний Новгород. После европейских дорог и гостиниц особенно бросалось в глаза низкое ка-чество, а то и полное отсутствие их в России. Но автор, сетуя на неустроенность, бестолковость, не-умение организовать быт, искал следы, оставлен-ные прошлым – в языке, в характере, в занятиях людей.

Любое свидетельство приверженности тради-циям вызывает похвалу и умиление путешествен-ника. Так, в Преображенском храме перед началом Нижегородской ярмарки купцы молятся каждый у своего чтимого образа, привезённого из своих городов – от Иркутска до Каргополя, пренебрегая местными иконами, которые были «слишком на итальянский манер и оставались без свечек» [9, ч. 5, № 9, с. 293].

Описание ярмарки не только фиксирует план и функциональное назначение построек, разноо-бразие товаров, цены на них, этнические («Казан-ские Татары здесь – главные действующие лица») и гендерные («во многих лавках сидят женщины») особенности покупателей и продавцов, но и шоки-рует читателя вниманием к «презренной прозе»: «Не стану говорить о подземных отхожих местах, кои достойны Европейской знаменитости» [9, ч. 5, № 9, с. 296–297].

Обилие впечатлений («зрение ослабеваает, вни-мание утомляется») достигает кульминации при выходе путешественника к реке: «Тысячи судов по обеим сторонам моста, с распущенными фла-гами, стоят так плотно, что воды не видать между ними; какой-то город чудесный вырос вдруг из воды. А эти мачты, на коих висят миллионы верё-вок и составляют одну прозрачную сеть, колебле-мую ветром. Суда пришли из Оки и Волги, Камы и Шексны, из Сибири и с Низу, с Севера и Юга, с железом, хлебом, пенькою, солью...» Это непри-вычно литературное для Погодина описание завер-шается патетическим восклицанием: «О Русь! чего у тебя нет? чего еще тебе надо? Правду сказали наши предки: земля наша велика и обильна... Сла-ва Тебе, подателю нашему Богу, слава Тебе!» [9, ч. 5, № 9, с. 297].

Особенно выделяет автор пермские суда, при-везшие чай на сибирскую пристань: «И какой народ чудной живет на этих судах: свободный, расторопный, остроумный, искренний, веселый; нет нашей униженности, нет нашей скрытности, осторожности и прочих порочных добродетелей стареющего общества. Все живо и радостно. Как

мило обходятся хозяева с приказчиками, приказчики с помощниками! Рабочие вытаскивают цибики на берег, и складывают их в поленицы...» [9, ч. 5, № 9, с. 297].

Ниже, описывая разгрузку судов, принесших «железо из недр Уральских гор по водам Чусовой, Камы, Волги», путешественник замечает: «Мордвины в шитых рубашках, Татары и Русские бурлаки, в поте лица, перетаскивают и на спинах, согнувшись под тяжестью. Тяжело достается денежка бедному народу! Приказчики сидят спесиво за своими опрятными прилавками, под фирмами Яковлевых, Всеволожских, Голицыных, и прочих славных имен горного производства» [9, ч. 5, № 9, с. 309]. Всё подтверждает мнение автора записок, что люди приближаются к идеалу, который может стать основой возрождения нации, по мере удаления от столиц.

И всё же находились поводы похвалить московское, причём автор не замечал противоречия в своих рассуждениях. Не раз отмечая, что по пути ему не удавалось попробовать хорошей ухи, в Нижнем «хотел нарочно обедать ныне в лучшей гостинице. Уха все-таки хуже нашей Московской. Да, все, что есть лучшего на Руси, в каком бы то ни было роде, собирается со всех сторон в Москву. Все *тянет* к Москве» [9, ч. 5, № 9, с. 311].

Опора, которая, по мысли М.П. Погодина, может удержать народ от дальнейшей деградации – это традиции прошлого. Он приветствовал любые замеченные им репрезентации памяти и возмущался, когда уничтожались или искажались древние памятники: «У нас не понимают ещё, что такое памятник, и воображают себе всегда под памятниками какую-нибудь чугунную колонну или мраморную статую. Нет, бугор земли, оторванный лоскуток пергамента, узкое окошко, обветшавшая стена, линия свода, дуги, тесная дверь, заржавевший крестик, чуть видный образ – бывают часто драгоценными памятниками, кои беречь должно аки зеницу ока» [9, ч. 5, № 9, с. 303].

Так, не найдя в нижегородском соборе гробницы Кузмы Минина, перенесённой для удобства в подклет, автор разразился гневной тирадой: «Нет, гробница Минина есть лучшее украшение собора, сокровище города и всей Русской Истории. Она должна быть на виду, если не на прежнем своем месте, то, по крайней мере, у стены. Мы говорим теперь много о национальности. Но это чувство имеет нужду в питании, возбуждении. Простолюдин придет теперь в собор, и уйдет, не вспомнив о Минине, а если и вспомнит, то не увидит, потому что не всякого поведет дьячок в подземелье» [9, ч. 5, № 9, с. 302].

Поиски истоков отечественного искусства привлекли внимание М.П. Погодина к деревянному зодчеству. Уже по дороге из Галича в Вологду, в селе Сидорове, он увидел «церковь деревянную, но та-

кой прекрасной архитектуры, что я загляделся на нее. Каменные церкви наши построены по образцу Греческих, а потом со времен Иоанна III с Итальянской примесью, – но в деревянных церквах, где они сохранились, должно искать собственно Русского стиля. Эта – удивительная» [9, ч. 6, № 11, с. 264].

Всюду М.П. Погодин разыскивал древности, расспрашивал о людях, которые их собирали: «Я обежал лавки с старинными вещами и купил очень древний серебряный крест и другой медной, помоложе. О древних рукописях не слыхать ничего»; «Отыскал торговца рукописями, книгами, образами Г., который засыпал меня рассказами о древностях так, что я заслушался его» [9, ч. 5, № 9, с. 298]. Одному из сибирских чаоторговцев поручил «отыскать в Тюмени два харатейных пролога, о которых говорил мне один ходебщик» [9, ч. 5, № 9, с. 302].

Однако не менее важны, по мысли автора, и устные свидетельства о прошлом: «Я советовал г. Мельникову собрать все здешние предания, и издать их особою книжкою. Здесь их гораздо больше, чем в наших сторонах, особенно в Москве, которая среди своих забот, несчастий и счастлих, забыла все» [9, ч. 5, № 9, с. 305].

Все эти впечатления привели М.П. Погодина к мысли: «Хорошо бы издавать особый журнал, посвятив его исключительно Истории, Географии, Статистике городов. Надо же возбудить какое-нибудь любопытство, произвести участие к отечественной истории, в многочисленном классе городских обитателей. Они живут и не знают где живут, как будто родились накануне, погрязшие в болоте ежедневной нужды и заботы, из-под которой не видят и не знают ничего» [9, ч. 6, № 11, с. 241].

Возможно, что именно упоминание одного из антикваров о «городовых охотниках и обладателях древностей» в Кинешме, Костроме, Судиславле и заставило путешественника вернуться к составлению маршрута поездки: «Развернул карту, начал мерять и считать; взяло раздумье – не изменить ли мне плана моего путешествия: вместо двух точек Устюга, о котором я могу услышать от Пр. И. все что нужно, и Архангельска, до которого надо проехать 1200 верст, почти по пустыням, не лучше ли посвятить это время населеннейшим частям губернии Костромской – Галичу, Солигаличу, Костроме, коей жители принадлежат так же к чистой породе Русской? Поговорю ещё с купцами» [9, ч. 5, № 9, с. 312].

Уже проезжая по Костромской губернии, автор с удивлением заметил: «Глухо, а попадаются разбитные ямщики: один даже в раскольнической деревне, молодой мальчишка, в полночь, запрягая лошадей, упрашивал своего товарища или брата, вынести ему трубку – затянуться! “Неужели тебя отец не бьет?” спросил я негодуя. “Да разве я при нем курю?” ответил он, не запинаясь» [9, ч. 6, № 11, с. 241].

И всё же именно на костромских дорогах удалось М.П. Погодину узнать и встретить воплощения своего идеала крестьянского характера, отношения к человеку, к обстоятельствам жизни.

В первом случае это была история об одном кинешемском мещанине, у которого двое мужиков убили семнадцатилетнего сына, которую М.П. Погодин услышал в пути: «Преступники были пойманы, сознались, и наконец осуждены на каторжную работу. Их погнали мимо дома несчастного отца, у которого они отняли единственного сына; старик и старуха стояли у ворот. Мать, увидя убийц, начала проклинать их, и призывать на них Божье наказание. “Молчи, баба!”, закричал на нее старик, “выноси скорей сюда, что есть у тебя в печи. Подавай пироги, кашу. Мы угостим их на дороге! Бог велит творить добро ненавидящим нас. Госпожа служивые! позвольте нам поподчивать вас хлебом-солью” И старуха должна была вынести все, что было у ней приготовлено ... Вот героизм добродетели! Вот перло в истории! – восклицал автор. – Вот на каких чувствах держатся царства! Если бы все подобные черты собираемы у нас по городам и сохранялись в их частных историях – на память родам, в поучение и назидание потомкам!» [9, ч. 6, № 11, с. 245].

В поисках идеала автор записок не заметил, что в этой ситуации и убийцы, и родители убитого принадлежали к одному сословию, жили в одной местности, но чтобы осознать противоречие русской души потребовалось позже уже бесстрашие Ф.М. Достоевского.

Ещё одна встреча с идеалом, уже непосредственная, произошла по дороге из Буя в Вологду. Подробно описав высокую северную избу («двухэтажную», то есть на высоком подклете), Погодин рисует быт семьи хозяина, ямщика из государственных крестьян. Его жена испекла лепёшки для крутившихся рядом сыновей, и одну предложила проезжему. «Я взял, и, отведывая, сказал ей: “Славные лепешки – да никак оне из ситной муки?” Баба усмехнулась. “Из ситной!... Наготовишься из ситной вот для этих стригунов, (указывая на мальчишек). Благодарить Бога и на том, что для праздника просеяла сквозь решето, да почаще!”». «Богачи и сластолюбцы! – восклицал автор записок. – Понимаете ли вы различие между хлебом, просеянным сквозь сито, и хлебом, просеянным сквозь решето. Вот еще новая тонкая постепенность, – сквозь решето почаще! ...Эта баба, которая стояла передо мною и с таким торжеством рассказывала о своем решете почаще, которая так довольна была своей возможностью, и уверена, что больше и желать ничего нельзя, тронула меня до слез...» [9, ч. 6, № 11, с. 265].

«Отец сел на лавке под окошком и начал со мной разговаривать свободно, спокойно, благородно. Видно было, что это хозяин в своем доме, что он доволен своим состоянием, не чувствует

никакой нужды и никого не боится». Впечатление дополнило появление старшего сына: «Никогда, смотря на изящное произведение древнего ваяния, не получал я такого полного впечатления... как теперь, видя пред собою этого молодого крестьянина в нагольном тулупе, который только что теперь отпряг лошадей и заткнул за пояс кнут! Столько было скромности в его движениях, стыдливости девичьей в его взглядах, какой-то робости в его тихой, расстановистой речи, сколько невинности в его тонком голосе!» [9, ч. 6, № 11, с. 266].

Несмотря на то, что приходилось много работать, крестьяне были довольны жизнью, ценили то, что дано, не завидовали, не искали большего... Путешественнику показалось, что перед ним – прообраз гармоничной семьи, которая в реальности воплотила идеал, казалось, оставшийся в далёком прошлом, которое мыслилось М.П. Погодиным как «золотой век»: «Два часа, проведенные мною в этой глухой деревне, среди лесов, между Костромою и Вологдою, принадлежат к числу самых приятных, самых сладких в моем кратком путешествии. Мне казалось, что я каким-то волшебством очутился среди древнего Славянского племени, до Рюрика, до государства, до просвещения с Латинскою грамматикой, в нравах патриархальных и чистых, близко природы.

Да сохранит вас Бог, добрые люди, в вашей чистоте и патриархальности, и да посылает к вам всегда добрых станových приставов и окружных начальников, каких имеете теперь! Я простился с ними как с друзьями!» [9, ч. 6, № 11, с. 267].

Именно в этой части записок можно найти и размышления автора о причинах, уведших народ от идеала: «Бедность, нужда, вот что развращает сначала народ, и приводит его потом со ступени на ступень к кабаку и пропасти, над кою кружится голова, темнеет в глазах. О, много надо подумать, прежде, нежели осудить какого-нибудь мужика-пьяницу, или вора-лакея. Татары причинили вековечное зло нашему народному характеру, наложив свое тяжелое иго и приручив к низким хитростям рабства» [9, ч. 6, № 11, с. 266].

Каким же виделся М.П. Погодину путь к возвращению идеала? Прямого указания на это в путевых записках нет, но по тому вниманию, какое автор уделил вопросам народного просвещения, можно понять, что именно в этом направлении он полагал преодоление вековой «порчи» народного характера.

При первой возможности во время своих странствий М.П. Погодин посещал учебные заведения, и это становилось поводом к размышлению о том, как и чему надо учить народ (и учителей, и школьников). Вывод был сделан: «Пользу чтения и письма он понял, и теперь вы не найдете почти ни одного безграмотного между молодежью в городах. – Вы даёте ему такие сведения, в которых он не видит

нужды, например о Семирамиде и Сарданапале, о Калькутте и Александрии, – мудрено ли, что отец берет сына из училища и сажает его за прилавок! Но расскажите-ка ему, (не по гимназически и не по-университетски) об его городе, об его губернии, о столицах, о судах, о сословиях, о торговле, о промышленности, об естественных произведениях, и вы увидите, что не только дети, но и отцы придут вас слушать! Простее, простее, как можно, и ближе к делу, к жизни!» [9, ч. 6, №11, с. 257]. То же освобождение провинциального учителя от теории и методики признавалось автором панацеей.

Так на глазах читателя из путевых впечатлений постепенно складывалось противоречивое мировоззрение М.П. Погодина, попутно предоставляя богатый материал для современных историков.

Библиографический список

1. *Анналы на рубеже веков: антология.* – М.: XXI век: Согласие, 2002. – 284 с.
2. *Афиани В.Ю., Хорошилова Л.Б.* Познание России: Путешествие как факт культуры и исторический источник // *Русская провинция: культура XVIII–XX веков.* – М.: Рос. ин-т культурологии, 1993. – С. 120–124.
3. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 6. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892.
4. *Буйнова К.Р.* Русские путешественники в Латинской Америке в XIX – первой трети XX в.: эволюция представлений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2014. – 24 с.
5. *Вайль П.* Гений места. – М.: Изд-во «Независимая газета», 2000. – 488 с.: ил. – Сер. «Эссеистика».
6. *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. – М.: Изд-во «Канон+», ОИ «Реабилитация», 2004. – 430 с. – (Современная философия).
7. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Обзоры Востока в формировании европейских идентичностей: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
8. *Павленко Н.И.* Михаил Погодин. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 360 с.
9. *Погодин М.П.* Дорожные записки // *Москвитянин.* – 1841.
10. *Почивалова А.В.* Историческая концепция М.П. Погодина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010. – 25 с.
11. *Человек в кругу семьи / отв. ред. Ю.Л. Бесмертный.* – М.: РГГУ, 1996. – 376 с.